

Виктор Фет

МНОГОЕ НЕЯСНО

Новосибирск
2004

ББК 84Р7-5
Ф 45

Виктор Фет. Многое неясно. — Новосибирск: Изда-
тельство СО РАН, филиал «Гео», 2004. — 170 с., ил.
ISBN 5-7692-

Аннотация ?

Иллюстрации

ISBN 5-7692

© В. Фет, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Потёмкин	
Песня старика, собирающего бутылки	
1825	
Подражание Шамиссо	
Колыбельная для Августа	
Колыбельная для Лизы	
Памяти Галича	
Второй Одиссей	
XX век (серия гравюр)	
Под стеклом	
Биологи	
Переводчику	
Мушкетеры	
Пушкин, Дарвин и боги	
Монолог кремлевского диктатора	
1953	
Гумилёву	
Песенка о генах	
Тропа	

Стансы к Январю
Helen
Левенгук
Линней
Фабр
Поэтам древности
Поклон
Ваза Дервени
Греция
Друзьям
Память
Галилей
Теорема
Сон
Строки
Песня пути
Рим
Элегия
Многое неясно
Гистология
Актёр
Новые времена

Грибы
Манускрипт
Вагнер
Лингвист
Тайна
Природа вещей
К отчёту
Кавказ
Путевые заметки
Трактат
Европа разума
Эйнштейн, 1919
Берег
Письмо потомкам
Второй закон
В музеях будущего
Баллада
Время
Начало
Памяти Окуджавы
Итальянская песня
Лета

После распада
Река
У перехода
Бадхыз и Репетек
Хоры для спектакля
Криквяжское
Природа
Время и слово
Форма жизни
Элизиум
Геккель
Фрагмент из третьей части «Фауста»
Набоков и Холодковский
Генезис
Форма жизни
Элегия № 2
Уэллс
Наш мир

ПОТЁМКИН

Цикады звон и пыльный шлях,
Где грушею на карте юга
Повиснул Крым, увяз в степях.
Нет у Потёмкина досуга,
Но вера есть и нету страха.
Вдоль за обочиною шляха
Стоят остовы деревень.
Цикады звон и жаркий день.
П о т ё м к и н .
Не трону честь Екатерины,
Но и свою не дам в обиду.
Туманна пыль дороги длинной
От Петербурга до Тавриды.
Адмиралтейская игла
Порой невидима в тумане,
Но твердо знаем, что была,
И некого винить в обмане.
Она является на миг,
Когда природа своенравна.
Так я искусство лжи постиг
И в суть его проник недавно.

Ложь — это правда на момент;
Мгновенна ложь, а правда вечна.
Ложь всякой правды элемент,
И в данном миге безупречна.
Что верно в этот интервал,
То ложно в следующий будет,
Но зритель быстро позабудет,
Что ложь он правдою считал.
Так я свои лелею планы
Создать подобие тумана,
Чтоб мигом лжи всю Русь покрыть.
Как долгоденствие? Пока мне жить.
После меня — пускай потоп.
Я свой верчу калейдоскоп,
Где кривда с правдою вдвоем
Узоры чертят под стеклом,
Где кривды миг и правды миг —
Вот европейский политик!

Г р а ч е в .
Прости, Потемкин, перерву:
Ты, верно, бредишь наяву.
Твой политик на дурь похож —
Потребна ль в государстве ложь?

Приказ: послать в Сибирь кого-то —
Бери ж и шли его туда;
Приказ: построить пакетботы —
Руби же лес и строй суда;
Приказ: посланье за границу —
Вранье пристойно ли писать?
Приказ: ответственность царице —
Ужели здесь возможно лгать?!
П о т ё м к и н .
Отвечу: вы не уяснили,
Что ложь лишь миг бывает в силе,
А миг достаточен всегда,
Чтоб не почувствовать стыда.
Стояли призрачные хаты
От жизни в нескольких шагах.
Шагал по шляху князь проклятый.
Проклятый князь и пыльный шлях.
Напоминая наважденья
И злые утренние сны,
Стояли плоские творенья
Без толщины, без глубины.
Они от ветра чуть качались,
Скрипели каждою доской
И от театра отличались
Огромным небом над собой.

Освещены нездешним светом,
Среди взаправдашних степей
Стояли рамки для портретов,
Стояли рамки от людей.
Он шёл, по зарослям полыни
Ступая твердою ногой.
Над ним вздымался купол синий
И солнце в клетке золотой.
Плененной птицей в небесах
Оно рвалось из них наружу
И отражалось в каждой луже.
Цикады звон и пыльный шлях.

(13 февраля — 27 мая 1975, Новосибирск)

ПЕСНЯ СТАРИКА, СОБИРАЮЩЕГО БУТЫЛКИ

Е. Жданову

Когда общежитья украшены флагами,
А также порою и в будничн^{ый} день
Я, как привиденье, брожу за общагами,
Кого-то из вас одряхлевшая тень.
Стою под балконом бездомной собакою
И в пьяные окна ору:
«Бросайте бутылки — зелёные, всякие;
Любую посуду беру!»

Зелёные стекла, зелёное солнышко,
Пустые бутылки стучат в рюкзаке;
Я всё подберу — и разбитое донышко,
И горлышко той, что ты держишь в руке.
Об стенку удар — и пробка выскакивает,
И льётся вино по кровавым рукам;
Бросайте бутылки — зелёные, всякие;
Я всё подберу и продам!

В угаре хмельном только это спасение —
Бутылок пустых по углам не считать,
И выбросить всё, что набрал в воскресенье,
Чтобы в понедельник по новой начать!
Над кем-то смеются, кого-то оплакивают,
В кого-то плюют в повседневном чаду;
И кружатся лица — зелёные, всякие,
И я под балконы иду.

Бросайте любовь и бросайте доверие!
Бросайте мечты, непривычные вам!
Бросайте быстрее, бросайте увереннее,
Я всё подберу и продам!
В мешке моём души пустые позвякивают,
Пустые, глухие, прожжённые до белизны —
Бросайте идеи — гуманные, всякие;
Лишь крепкая глотка и зубы нужны!

Пусть зубы мои одряхтели давно и повыпали,
Но молоды ваши, как этому следует быть.
Бросайте грустить! Вы ещё недостаточно выпили;
Бутылки нужны старику — значит, следует пить!
И окна общаги от грохота вздрагивают,
Когда под окном вечерами стою,
И ваши дрожащие руки в котомку мою
Бросают бутылки — зелёные, всякие...

(весна 1976, Новосибирск)

1825

привиделось ему в горячечном огне
что начинается нева со слова *не*
тогда своей рукой очистив лёд от снега
о нева написал он озеро онегга
но нева тоже с *не!* и небо тоже с *не!*
точней сказать нельзя чем видится во сне
господь сказал что пётр сиречь гранит небес
не бес но и не бог не с богом и не без
когда из-подо льда покажется вода
быть может *не* нева заменится на *да?*
вскрывается ли лёд? скрывается ли рок?
Нева течёт вперёд. Пётр смотрит поперёк.

(11 апреля 1978, Бадхыз)

ПОДРАЖАНИЕ ШАМИССО

Г. Н.

В мой герб входили две травы,
Как и во многие гербы:
Трава ковыль — трава молвы;
Трава полынь — трава судьбы.

Когда мой прадед был живой,
Он знался с третьей травой,
Она была желта, легка —
Трава удач, тропа стрелка.

И в детстве свет полынь лила
И лунной горечью была,
Но ни ковыль, ни зверобой
Не дали власти над судьбой.

Полынь сухая голуба,
В гербе очерчена судьба,
Бумага стерпит все слова,
Но где четвертая трава?

(7 июля 1978, Ашхабад)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ АВГУСТА

У Густава фон Августа
В гербе четыре лилии,
А к берегу направился
Кораблик из Бразилии.

Привёз он фрукты разные,
И всё, что было вкусного
Для Густава фон Августа,
Для Августа фон Густава.

У Августа фон Густава
В гербе четыре яблока,
Уплыл корабль в Америку,
Уплыл кораблик надолго.

Уплыл кораблик маленький
В далёкую Бразилию,
Где золотые яблоки,
Серебряные лилии.

Осталась только песенка,
И вот она — пожалуйста,
Для Августа фон Густава,
Для Густава фон Августа.

(1978, Айdere)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ЛИЗЫ

Возьму я старую суму,
Мой выцветший рюкзак,
И Лизу странствовать возьму
По свету просто так.

Деревья с листьев до корней,
Какие есть, изучим с ней,
Порою будет нам грустней,
Порою веселей.

А где снега весь год лежат
И льды озера сторожат,
Увидим с Лизой медвежат
И белых журавлей.

(1982, Айdere)

ПАМЯТИ ГАЛИЧА

Десять лет как лежу в изгнании
Я в холодной земле во Франции.
На дворе опять осень ранняя.
Что вам снится? Чему вы радуетесь?

Не нужны вам певцы-заступники,
Всё вы видели, всё провидели.
И поэты для вас — преступники,
И родные отцы — правители.

В марте водкой столы уставлены,
Всё тоскуют, что рано помер он,
И мелькают портреты Сталина
На машинах с московским номером.

Век двадцатый уже кончается,
Наши внуки уже венчаются.
Что же вы ничего не поняли,
Ничего из грязи не подняли?

(1984, Айдер)

ВТОРОЙ ОДИССЕЙ

Олимпийские боги, не скрою,
Развлекались мы в юности бурной.
Мы глядели в бинокли на Трою,
Мы качались на кольцах Сатурна.

Ахиллес пот со лба только вытер,
Зачитавши бойцам манифесты:
Комиссаром назначен Юпитер,
А щиты — это дело Гефеста.

А поручик Улисс, без махорки,
Всё на запад стремился, к заходу.
Шлем ахейский в музей, в Нью-Йорке,
Обозначен «предмет обихода».

Мёртв язык египтян да ацтеков,
Растворилась их ДНК.
Разбросало нас по свету, греков,
Но остался язык на века.

Были боги охочи до драки,
Обсуждая жену Менелая,
И землю покроется Троя,

Но три тысячи лет на Итаке
Всё звенит тетива удаляя,
Ударяясь в грудь Антиноя,
Удаляясь ударной волною...

(июнь 1995, Новый Орлеан)

XX ВЕК (СЕРИЯ ГРАВЮР)

У героев Жюль Верна всё так просто и верно —
Нет ни тени для них, ни изнанки —
Ни на дне океана, ни в жерле вулкана,
Ни внутри межпланетной жестянки.

Век двадцатый так ясен, так он чист и прекрасен,
Он залит электрическим светом,
Человеческий разум истребит всю заразу,
Брюк нашьет, оросит всю планету.

От Янцзы до Дуная — всё Европа сплошная,
Нет нигде ни царя, ни холопа,
Но у всех есть парламент —

ну, а в нем свой регламент —

Без порядка — какая ж Европа?

Там, в начале у века — Блок, фонарь и аптека,
Снег, серебряный век и форели,
Маскарад именитый — и случайно забытый
Образец на столе Беккереля.

Не плаща и не шпаги след на фотобумаге,
И не виден он без проявленья —
Но пятно, как Европа, от лучей изотопа.
На лице у людей — удивленья.

(27 мая 1997, Крайстчерч, Новая Зеландия)

ПОД СТЕКЛОМ

Очнёмся мы. Настанет день, когда
Песочница, где с детскими совками
Возились мы, не ведая стыда,
Окажется песочными часами.

Звучанье слов и строки теорем
Забудутся. В один глухой Мальстрем
Мы ухнем все; и на вершине дюны
Окажемся. Опять наладим струны
И запоём о жизни на Земле
Под небом голубым, в запаянном стекле.

(13 января 1998, Цюрих — Атланта)

БИОЛОГИ

Г. Г. Гаузе

Двести лет мы идём — наобум, напролом,
Нам немало видать в микроскоп.
Инфузорий стремителен бег под стеклом,
И медлительна поступь амёб.
Мы недавно их только признали роднёй;
У природы сегодня, видать, выходной.
Отменяем мы Дарвина с горя,
Что никто не выходит из моря,
И геном за геномом по нотам знакомым
Повторяется песней одной.
Нам и Вирхов, и Морган — святые отцы,
Нам с природой тягаться не споро;
Так оно бы и ладно — в море спрятать концы,
Тридцать витязей и Черномора,

Но штампуются новые виды
От планктона и до Атлантиды,
Мы не милостей ждем от планиды,
А клонируем гены овцы.

За компьютеров наших тупой интеллект
Мы навесим себе аксельбанты,
Но когда-нибудь кончится этот проект
И природа прикроет нам гранты;
И ни сон, ни звезда не помогут тогда —
Нас туда не возьмут в эмигранты.

Но возможны еще варианты.
Человеческий мозг не ислел, не погиб —
Он всегда начинает по новой.

О потомки! для вас силиконовый чип —
Что для нас наконецник кремнёвый.

Через тысячу лет нас припомнит поэт;
Нарисует; запишет; издаст.

Под стеклом микроскопа о чём-то поёт
Зелёный, как жизнь, хлоропласт.

(22–23 мая 1998, Хантингтон)

ПЕРЕВОДЧИКУ

Г. Г. Гаузе

Из-за морей, с других широт,
Где люди ездят на собаках,
Придут безликие слова,
Написанные на бумажке
На языке пчелиных сот
В нелепых клинописных знаках.
Мне принесёт ее в фуражке
Безумный чин, открывши рот.
В другом регистре, на ходу,
Я живо всё переведу.
Смятенье! родился вулкан;
Разверзлись хляби; смерть Помпеи.
Я поднимаю свой стакан
За перевода эпопеи,
Где войн и тайн случаен лик.
И таен телеграмм язык,

Что тает айсбергом в стране,
Где говорят по-канцелярски,
Где жарят шашлыки по-карски,
Где продают страну по-царски,
И водку пьют наедине;
Где я лежал себе на травке
И поначалу верил Кафке;
Где крепок кнут временщика
И гнусна песня ямщика.

Так тают льдины языка,
А тектонические плиты,
Вниманием обойдены
И населением забыты,
Трещат под бременем страны.
Не в языке, пожалуй, дело,
А в том, что век сломал сустав,
Набор рассыпан, и состав
Застыл на запасных путях,
И Атлантида охладела.
А мы всё пьем на радостях.

Да и взглянуть бы на луну —
Что толку? Воет пёс голодный.
К нему космополит безродный
Приравнен был, что в старину,
Безумный Лир, артист народный,

Играл для тех, чья была мутна.
И право, странная страна.
Вернёмся к нашим буквам, ибо
Их отличаем невпопад,
Как Ниагарский водопад
От кандагарского талиба
(Как бы явления в природе).
Нам Киплинг в смелом переводе
Внушал не раз или не два
Колониальные слова,
Но нету твёрдости в народе,
И *брeмя белых* не для нас,
Как *комильфо* или *ватерпас*.
Но жизнь по-прежнему сурова.
И, кажется, наверняка
И навсегда (какое слово!)
Все языки и буквы света
Попались в сети Интернета,
Как щука в невод рыбака.
Хватают жабры кислород,
Да он не тот. Уж боль пропала,
И пузырьками из бокала
Исчез навеки перевод.

В компьютер вставлен код единый,
С картинками для разных стран,
И род людской с наивной миной
Всё тычет пальцами в экран.
Пустырь. На всём — печаль разлуки.
Лишь иногда шальные звуки
Припомнит новый человек,
Вскричит: какие люди были!
Да упадёт на дно бутылки,
Как древний римлянин иль грек.

(24 мая 1998, Хантингтон)

МУШКЕТЕРЫ

— А всё-таки, д'Артаньян?
— Ну, поначалу был туман.
Скрип вёсел, свет от фонаря.
Потом — потеряно весло,
Мы думали — погибнем зря.
Ни зги — а только хлещут пули.
Мы живо — в трюм. Вина хлебнули.
— Ну, а таможня? — Пронесло.
— Что ж Арамис? — А Арамис
Кричал: «Ребята, не срайтесь;
Коли! Пусть помнят гугеноты!»
Нам в лодку сбросили кого-то.
Атос, на что уж бледен был,
Белей, чем скалы Дувра, стал —
Он мешковину приоткрыл,
И словно чёрта увидал.
И лишь тогда взошла луна.
— Ну, а Портос? — А что Портос?
Так и не понял, в чем вопрос.
— Вам что же, слава не нужна?

— Нам хватит вечного блаженства.
— Когда его преосвященство
Вполне узнает Вашу роль
В таком кошунственном спектакле,
Он будет зол. А что король?
— Король всегда молчит, не так ли?
— Но Ришелье сойдет с ума.
— Всё так. Сегодняшний пароль?
— Судьба. — Ответ? — Клинок. Идите.
— Я вас увижу. — Рад весьма.
И да минует Вас тюрьма.
Да заново перевяжите
Свою повязку. Вот тесьма.
В крови и плащ, и бахрома,
В грязи и копоты ботфорты
И перемётная сума.
А в ней и золота до чёрта,
И снята копия письма!
Вот нам сигналият на скале.
Так, не умывшись, мы в тома
Войдем к Дюма. Огнями порта
Нам позади сверкнёт Кале.

(25 мая 1998, Хантингтон)

И не заклания,
Высшего знания
Вечны условия.
Вот письма.

Д а р в и н .
Под снегом сна
Мысль не быстра.
У звезд костра
Жажду согреться я.
Дорога дальняя.
Песнь музыкальная —
Древняя Греция.

Б о г и .
Пароходы, переходы,
Ходы и огни природы,
Из чего сложатся годы,
Всё, чем дышишь и живёшь —
Ты запишешь и поймёшь.
Ваши перья из гуся —
Будут перья из металла,
Жизнь ещё не опоздала —
Ты ещё не родился.

Д а р в и н .
Родиться — и дышать. И, ноги волоча
В намокшей глине, вдаль тянуться за лучами.
Свет — дар звезды. И солнце, и свеча.

Безумными, счастливыми глазами
Всё созерцать, летя по линии луча.
Микроскопических частиц познания полны,
Ведут в огонь и в жар бросают эти волны!

Б о г и .
Да, Дарвин, да.
Так было всегда.

Д а р в и н .
Так неужели же за гранью небосвода,
Как на картинке из бывшего букваря,
Открыв покров и ничего не говоря,
Кончается разумная природа?

Б о г и .
Да, Дарвин, да. Дар войн — дар вин — дар вен
Набухших; дар молекул кислорода;
Дар предков — и Давидов, и Елен;
Дар вида; дар Троянского похода —
Материя одна и вечна, и жива.

Д а р в и н .
И всё возьмет она? и ничего не даст взамен?

Б о г и .
Что делать, милый друг. Природа такова.

(13 июня 1998, Хантингтон)

МОНОЛОГ КРЕМЛЁВСКОГО ДИКТАТОРА

Кружась над стенами Кремля,
Я созерцаю вечность, бя.
И вечность говорит: ты — тля;
Беги, как крыса с корабля
Бежит, поджавши голый хвостик.
Пусть конь шахует короля,
Но капитан не кинет мостик.
Скрыпит секстан, мелькают румбы,
Вздыхает русская земля.
Мы не Колумбы, не Лумумбы,
Нам в глаз анютиных бы клумбы
Лицо уткнуть, опохмеля;
Колун бы нам — да ноту ля
На камертоне продлевая —
Ужо! слышалось в полях —
Что зомби, зенки пучит лях,
И мчится тройка удалая,
Подмяв Нью-Йорк и Тель-Авив,
Русь за собою увлекая,
Меня в коня преобразив,
В тачанку *жучку* посадив

И Чичикова с автоматом.
Не зря мы пели, музу зля
Лоботомированным матом,
«Вставай, красавица, во мгле...»
Нам за Москвою, за рекою —
По койкам, к воле и покою!
Не будет отдыха в Кремле!

(28 октября 1998, Хантингтон)

1953

Дольше, чем свету бежать от звезды до земли,
Больше, чем льдистых снежинок накопит февраль,
Странная, словно набросок картины Дали,
Свернута сонной пружиной двойная спираль.

— Элементарно, мой Watson. — Послушайте,
Crick:

Детский конструктор, фольги и фанеры немного,
Сделать двойную модель и застыть у порога,
Будто бы я за пределы Вселенной проник.

Умер диктатор, но жив органический атом;
Кодом помечен и гений, и всякая шваль.
Всё, что растёт, и кричит, и ругается матом —
Всё заключает в анналы двойная спираль.

— Что ж в этом коде, мой Watson? — Ах, Crick,
посмотрите:

На элементов разменную мелочь скупясь,
Вся ДНК — лабиринт, пуще Кносса на Крите,
Нить Ариадны — её ковалентная связь.

— Тянет на Нобелевку. — Really? Больно уж
гладко.

Не водородная ж бомба. — Ну, хоть на медаль.
Как говорил Пастернак — вот Вам, принц,
и разгадка.
Связью времён проступает двойная спираль.

(1997, Хантингтон, Западная Виргиния)

Туда, где светится провал,
Где исключения из правил,
Где Босх ещё не побывал
И нам отчета не представил.

(Предмет не нов, и счёт не одинаков:
Об этом Гёте пел, и повторял Булгаков).

(2 ноября 1998, Хантингтон)

ПЕСЕНКА О ГЕНАХ

Человеческие гены —
Это маленькие боги,
Неразумны, неизменны,
Не найти без них дороги.
Нам отсчитывая дни,
Знают грамоте они.

Генетические коды —
В тесных строчках вязью черной —
Это правила природы,
Беззастенчивой и вздорной,
Управляющие нами,
Управляющие снами.

То длиннее, то короче,
Вторят высшему уму,
Отличая день от ночи,
Разделяя свет и тьму.

Если б генные скрижали
На себе изображали
Всё, чем тело и душа
Живы — мы б не возражали,
Мы бы жили не спеша,
Мы бы жили постепенно,
Ничего не говоря,
Разворачивая гены
В первых числах января.

Но нельзя нам жить беспечно!
Времени разметив ход,
Нам даны, и с нами вечно
Начертанья нужных нот,
Но, не зная комбинаций,
Не открыть замка секрет —
И различны судьбы наций,
И не скрыться от мутаций,
И порядка в мире нет.

Ведь законы у природы,
Эти кодексы и коды,
Нарушаются всегда —
В этом есть своё значенье,
И надежда, и спасенье
От цинизма и стыда.

(27 ноября 1998, Хантингтон)

ТРОПА

Куда ведёшь меня, тропа?
Скажи мне, не идёшь ли ты
От Геркулесова столпа
До Ахиллесовой пяты?
Во тьме смятений и систем
И в ожидании суда —
Кто проложил тебя, зачем,
Когда, а главное — куда?
Здесь дух Европы не потух,
И по тебе идут, смеясь,
И дерзкий шут, и гордый князь,
И Дон-Кихот, и Винни-Пух.
Тебя чуждается толпа,
А мне любезна ты, тропа,
И мне твоя любезна грязь,
Забрызгавшая позументы,-
Бежишь как Мёбиуса лента,
Перекрываясь и вяясь,
То вовсе выскочишь из рамы,
А то нырнешь под акведук,
А то опишешь полный круг
И вновь придёшь к началу драмы.

И снова скачет дерзкий князь,
Один, подобен Агасферу —
Под ним, сияя и двоясь,
Тропа уходит в тропосферу.

(28 ноября 1998, Хантингтон)

СТАНСЫ К ЯНУАРИЮ

У Лукоморья, где виварий,
Не раз мы пили, Януарий,
И пели мы из разных арий,
Орали мы что было сил:
Там чахнет царь Кощей над золотом,
Там брат идет на битву с братом,
Там служит людям мирный атом,
И я там был — мёд-пиво пил.

Ах, Януарий, наши клетки
Откроют те, кого мы предки,
Обломают, как сухие ветки,
Наш стыд и страх, инстинкт и грех;
Что им, родившимся в ретортах,
С ракетками на белых кортах,
С прозрачной жидкостью в аортах?
Наш мир для них — пустой орех.

И, звёздной россыпью влекомы,
Они уйдут в иные дома,
Такие выстроят хоромы,
Что ни пером, ни топором.

Кому они предъявят сметы?
Какие выставят Заветы,
Когда к брегам вселенской Леты
Харон причалит свой паром?
Да, Январий, наши годы,
Статьи, и оперы, и оды,
Наш скверный век, дитя свободы,
Смещенья дум, смятенья встреч —
Пройдут дорогой к изобилью,
Сверкнут, смешавшись с звёздной пылью,
Так и не сделав сказку былью,
Да и не сбросив бремя с плеч.

(10 декабря 1998, Хантингтон)

HELEN

*(Подражание А. Вертинскому
на вечную тему генетики)*

Незавидная доля у измученной маленькой Лены:
Мама — дама червей, а папаша — бубновый валет.
Это всё виноваты неверные, скверные гены,
Что достались малютке в сочетаньи гамет.

В лотерее не вытащить Лене счастливый билетик,
Ей не сможет гадалка сложить неплохой гороскоп,
Но запомнил ее хромосомы ученый-генетик,
Увидавший знакомые гены в большой микроскоп.

Подсчитает он тайные числа ненужных мутаций,
Узелков, перекрестий, разрывов, пропаж и измен,
И он сделает Лену героиней своих публикаций,
Обессмертив ее под безликою буквою N.

Это время прошло, и ушли и генетик, и Лена,
И десятки других докторов, джентльменов и дам,
Но осталась от них фотография скверного гена
В базе данных столетий, на файле изученных драм.

(4 января 1999, Хантингтон)

ЛЕВЕНГУК

Одно я знаю — Левенгук был прав,
И он был гений. В часовом стекле заснули
Какие-то округлые зверьки.
Он их прибавил к сонму зверей и трав.

Он их нарисовал и сохранил листки.
Они просты, как детские кривули.
Они глядят и дышат, как живые.

Под линзою живут они, создания
Одни, потом другие. Сознания
Не знают и тоски.

Бредут, передвигаются прыжком
И кувырком и кавардаком,
Как бы актеры в круге световом,
Но все с обратным знаком
И в представлении живом.

Вот эти разделились пополам,
Подруга чествует подругу,
И празднуют, и носятся по кругу,
Как резвые подростки.

А вот иные — резко водяные,
И дышат под водой, дудя в свои отростки,
Водя вокруг усами осторожно.

Ну, в зоопарке — лев или там питон —
Так это зверь — вполне понятен он,
А эти? Удивляться только можно.

А все же интересно —
Подвешены в воде,
О чем толкуют, неизвестно.
Скользят, не зная, как, зачем и где.
Им смысла не дано, ни юмора, ни толка,
Толкаются, как стая комаров,
Ресницами метут, ну что твоя метелка,
Сгребая мелкий мусор,
Оставшийся неприбранным
Со времени создания миров.

Луч высветил под линзой до дна.
В стекло проникла испарений вьюга,
И сухо стало в линзе часовой.
И пересохло время. Левенгук
Сидел, крутил винты, качая головой.
Остались карандашные наброски
Существ, что жили во времена потопа
И до изобретенья микроскопа.

(5 января 1999, Хантингтон)

ЛИННЕЙ

И человек, и лемминг, и трава
Имеют имя, милостью Линнея —
Блестящие, латинские слова.
Эпитеты нанизывать умея
На связки грамматических корней,
Со списками в руках бродил Линней
По чистым огородам и садам
Коротким летом в королевстве шведов,
Все травы называя, как Адам.
Безмолвие полуночных пустынь
Лапландии объездив и изведав,
Линней не забывал свою латынь.
Трудился он в пределах тех же линий,
Что очертили нам Платон и Плиний.
Прилежную природу естества

Он понимал, и общий знаменатель
Он отыскал для трав, зверей и птиц:
Их имя (форму, суть). Когда б Создатель
Нас мастерил без видимых границ,
Одним мазком, не уточнив детали
(Цвет глаз, размер, кому годимся в корм),
Мы все бы, не имея точных форм,
Переливались и перетекали
Из маски в маску. Жизнь была б легка.
Но мир отлит в ином материале,
И постоянна форма у цветка,
Какие пчёлы бы ни посещали
Его тычинки. Личность, суть, идея —
Их помнят и лопух, и орхидея.

(11 января 1999, Хантингтон)

ФАБР

(СОНЕТ)

«Инстинкт, конечно, слеп», —
так пишет добрый Фабр
В томах, как Брем, с младенчества знакомых.
Не глуп и не умен, не робок и не храбр —
А просто слеп. Всё, как у насекомых.
И ныне, разгадав набор абракадабр,
Как ход жука в стволе,
застрявший в хромосомах,
Мы зрим, как ген с инстинктом
пляшут данс-макабр,
Где каждый новый шаг предполагает промах.
На юге Франции — полуденная нега,
Там хор цикад средь виноградников незрим.
Фабр пишет: «Слеп инстинкт.
Он — альфа и омега.»
И на мгновение почти неощутим
Тит век, где хвалится и ижицей, и азом
Побочное дитя инстинкта — разум.

(26 февраля 1999, Хантингтон)

ПОЭТАМ ДРЕВНОСТИ

Увы, Овидий и Вергилий:
Нам, обитателям пустынь,
Вы столько слов наговорили,
Но мы не слушаем латынь.
Нам только англоv речь да саксов
Приятна, душу веселя,
А бодрый хруст зеленых баксов
Заменит лиру и рубля.
Лишь я, об участи Вселенной
Порой задумавшись в тоске,
В горах Виргинии блаженной
Пишу на русском языке.

(22 апреля 1999, Хантингтон)

ПОКЛОН

Д. Кушнирову

Поклон и греку, и еврею:
Им слава эта не нова;
Евреи дали нам идею,
А греки дали к ней слова.
Но выживет ли та идея?
Век на исходе. Дальше — мрак,
Воронки, заступ и барак.
Ни эллина, ни иудея.

(20 мая 1999, Кавала, Греция)

ВАЗА ДЕРВЕНИ

(МУЗЕЙ В ФЕССАЛОНИКАХ)

Средь золотого винограда
Сидят застывшие они:
Сатир и спящая менада
На медном кубке Дервени.
Вином из кубка льются годы:
Менада спит, и снятся ей
Движенья звезд, богов исходы
Эсхатологии моей,
Олимп бушующий, мятежный, —
Но взор закрыт менады нежной.
Душа, над Грецией кружи,
Пока менаде сладко спится!
Здесь многое еще случится,
И Александра колесница
Еще заложит виражи
И ослепительны и дики,
Еще душа зайдет в крике...
Менада, спи: что ни приснится,
Все выстоят Фессалоники.

(22 мая 1999, Фессалоники, Греция)

ГРЕЦИЯ

Рыдая, радуясь, робея,
Иду долиной Эниппея,
И сердце Греции самой
Мне шепчет «ты пришел домой».

Летя стремительно сквозь годы,
Не тронь хрустальных рычагов!
Почуяв дым от очагов,
Войди в одну и ту же воду!

От олимпийского чертога
Спустившись, тайных туч гряда
Легла торжественно и строго,
И потемнели города.

Стоят унылые громады,
Их ноша вечна и легка,
Как мрамор под стопой Эллады,
Как зовы нимф у ручейка.

(20 мая 1999, Кавала, Греция)

ДРУЗЬЯМ

В. С. и Г. А.

Летя над сплетеньем дорог,
Забывшись в мотиве одном,
Ты пересекаешь порог
Меж зыбкою явью и сном.

А там, по сожженным лесам,
Ни юга, ни севера нет —
Внимаешь друзей голосам,
Летящим с далеких планет.

И память твоя все густей,
Сладка и прозрачна, как мед;
И кинематограф страстей
Кружит у таганских ворот.

И песнею давних времен
Рыдает волшебный смычок,
И маленький магнитофон
Крутится, как детский волчок,

И движется занавес слов,
И снятся огонь и полет,
Читает стихи Гумилев,
И Визбора голос поет.

(24 мая 1999, Афины, Греция)

ПАМЯТЬ

Нас разделил Господь на страны,
Создал слова и языки,
Расставил льды и океаны,
Рассыпал горы и пески.

Полны бедой и сыты хлебом,
Летим неведомо куда,
Как птица меж водой и небом
Или бродячая звезда.

Сгорит звезда, исчезнет птица,
Полярный растопится лед,
Страна во мраке растворится,
И только слово не умрет.

ГАЛИЛЕЙ

Уже направлена труба
над итальянскими холмами
на горсть Юпитеровых лун.*
Четыре буквы древних рун,
светясь, вращаются над бездной
совместно с прочими камнями
в своей Флоренции небесной.

Какая странная судьба:
мы выбираем варианты,
а варианты правят нами.

И мне иные алфавиты
и неизвестные квадранты
на бархате небес открыты,
как ювелиру бриллианты.

И я запомню эту дату,
когда для славы или мзды
я посвятил аристократу
четыре новые звезды.

Уйметя буря волн житейских,
истлеют строки наших книг,
но звезд сиянье Медицейских
не потускнеет ни на миг.

В них, верно, память крепко спит,
а наша жизнь для них странней,
чем нам вращение орбит,
перемещение камней.

**Каллисто, Ио, Ганимед, Европа. Открыты
Галилеем в 1610 г.
Названы «звездами Медичи» в честь флорентийского
герцога.*

(14–16 января 2000, Хантингтон)

ТЕОРЕМА

А. и Б. Стругацким

Костровище от стана цыганского
Пеленой замечает зима;
Теорема Астеева-Ганского
Посложней теоремы Ферма.

Утверждает она, что движение
В этом мире вообще не дано:
Только буйное воображение
Крутит мир, словно ленту в кино.

Объясняет невзрачная книжица —
Бледный шрифт, пара сотен тираж —
Что Вселенная вовсе не движется,
А дрожит, как пустынный мираж.

Амплитудой такого дрожания
Объясняются Бог и весна,
Не дано нам ни воли, ни знания,
И действительность нам не дана.

Так, надежду и веру отсеяв,
Словно призрак, возникший в дверях,
Нам поведал ослепший Астеев,
Тот, что сгинул давно в лагерях.

И у Ганского формулы четки:
Чтобы в них ни значка не забыть,
Он диктует с хароновой лодки,
Размотав ариаднину нить.

Доказательство это красиво:
Значит, в зеркале нету лица;
Изначального не было взрыва;
Теплового не будет конца.

И не надо движения, ибо
Нас ничто не избавит от мук —
Что ж, за правду мы скажем спасибо
Двум пророкам российских наук!

Грянем песню да купим шампанского,
Впереди только тьма да мороз,
Теорема Астеева-Ганского
Навсегда разрешила вопрос!

(6 февраля 2000, Хантингтон)

СОН

А. Вертинскому

Время плещет холодной рекою.
Шум базаров да запах аптеки.
Нам закапает Оле-Лукойе
Сонный сок под усталые веки.
Сок цветов, покрывающих поле,
Сладко пахнувших, желтых и черных.
Не печалься, заботливый Оле:
Мы заснули давно без снотворных.
Нас не тронет падение Рима,
Не разбудят ни сказки, ни были,
И по слою нестертого грима
Мы покроемся маскою пыли.
Мы останемся мраморно-немые,
Нас не тронут архангелов трубы,
И прекрасные наши поэмы
В свет не выйдут сквозь сжатые губы.

Сон племен, позабывших о боли,
Сон цветов, позабывших о лете.
Бесконечное снежное поле
На потухшей, притихшей планете.

(28 февраля 2000, Хантингтон)

За дверью откроется дверь
 в неизвестную вечность,
Не раз и не два тот знакомый мотив повторя;
Мы нашей судьбе бесталанной
 простим бессердечность,
Летя над землю в бесснежном конце ноября.

(21 ноября 2000, Хантингтон)

РИМ

There is a world elsewhere.
(Shakespeare, Coriolanus)

Есть мир за пределами звука,
Его не опишут слова.
Стрела вылетает из лука,
Упрямо дрожит тетива.
А дальше — черта огневая,
Где стерлись иные черты.
Есть Рим за пределами рая,
И рай — за пределом мечты.
Слова, и пространства, и годы
Сотрутся, истлеют, уйдут.
Есть мир за пределом природы,
За кромкою наших минут.
Так молния в небе хранима,
Разрядом пронизана тьма.
Есть мир за пределами Рима,
И Рим — за пределом ума.

(15 марта 2000, Хантингтон)

ЭЛЕГИЯ

В смурной ландшафт двухтысячного года
Вплелся мотив старинных, прошлых драм
(Драхм греческих). Косней, моя природа;
Чертополох, не пропадай, упрямя!
С благооткрытой толщи небосвода
Лови мембраной клеток нужный луч,
И расцветай, невянут и колюч.
Сули Улиссу рок в морской пустыне,
Луна, чей лик щербатый все ясней!
Но что-то нам осталось от латыни
(Хотя мы и не говорим на ней) —
Быть может, жесткость фибров и корней,
Что связывают время и пространство,
В преемственности вида постоянство.
На постоялый двор порой зайдя,
Вглядевшись, мы увидим д'Артаньяна
За плотною завесою дождя,
Всего в крови, в себя не приходя
Героем монархистского романа
(И россыпи брильянтовых подвесок
Летят в траву или густой подлесок).

Весло несём лопатой на плече.
Жуя свой хлеб, на зрелища глаза,
Нет недостатка в новой саранче,
TV принял ключи от Колизея,
Упрямый Фрейд сидит на каланче.
Пал Рим. Балканизирует Европа.
Тепло. Пот каплет на панель лаптопа.

Загнали мы в компьютер силикон
(Что углероду чужд, как турок греку),
Его ж не боги дали человеку,
А превзойдя естественный закон,
Старатель вымыл, сам по пояс в реку.
За ним уже полмира по реке
Зашлёпало с мобильником в руке.

Но что же наш больной? насколько плох?
Кой чорт понёс нас на свою галеру?
Ужели мы наследуем примеру
Скелетно-динозавровых эпох,
В музеях, по Линнею и Мольеру,
Заняв стеклянный ящик твари редкой
Под «*Ч. разумный*» блеклой этикеткой?

Не выручат ни Данте, ни Шекспир,
Ни рай, ни ад. Сожжен наш старый «Глобус»,
И некому сказать «авек плезир»;
Сожрёт ли нас дотла чумной микробус,
Мир чувственный затерт до черных дыр.
Из всех карманов вылезают фиги —
А все же я ищу забвенья в книге.
Но те ли я слова читал когда-то,
Что вызовет усталый мой дисплей?
Те отблики то пастбищ, то полей,
Где Популюс и Тилия к закату
Бегут аллеей лип и тополей
В той книге — я забыл, в каком году,
И не пойму, во сне или в бреду.

(30 июля 2000, Хантингтон)

МНОГОЕ НЕЯСНО

Как наших снов не помним мы ни слова,
(из пустоты сочится время снова,
перерастая в гул сплошной, единый
над россыпью домов и гаражей,
тягучею, сухую паутиной
лепясь к карнизам гнездами стрижей),
так наше время движется проворно,
над бездною стремглав летя, покорно
течению воздушного стекла;
так скачет монотонная игла
в руках швеи; так грамотой стежка
ложится жизни нужная строка.

Сплети ковер из ниток пустоты;
пусть остывает он пока, а ты
в старинной форме новый слог отлей,
дай новой жизни место в старых нотах;
в окне вагона, на иных широтах,
звук извлеки из стынувших полей
октябрьским утром, где едва видна
вибрацией клинка толедской стали
над свежим снегом чистая волна
физических полей твоей печали;

где жизнеописание пути
не прочитать и не перевести.

Вверх по спирали лестницы дворцовой
уходит век, и нарастает новый;
но мы не властны над своими снами:
вот этот текст, попавший в руки мне,
написан точно теми письменами,
которые увиделись во сне:
на свежей глине чистые следы
разлившейся рекой еще не смыты;
в кусках гранита отблески слюды;
песчаника осадочные плиты
с включениями листьев и костей —
страницы прошлых свежих новостей.

Слов не хватает в русском языке,
исчерпаны молитвы и поэты,
и ненадежны томы словаря.
Блеснёт порою что-то на песке
случайною частицей янтаря
у самого прибоя мутной Леты;
желанное, мелькнёт из-под волны
то самое, приснившееся, слово —
но скроется, и не найти иного;
глаза слезятся, строчки не видны;
исчеркана бумага после сна,
слипаются чужие имена.

(12 августа 2000, Хантингтон)

ГИСТОЛОГИЯ

Мы загнали наши клетки
В книг бесчисленных тома;
Эти книги и заметки
Суть иллюзия ума.
Мы следим за ходом сечи
С олимпийской высоты,
Ищем жадно в чуждой речи
Непонятные черты.
Там бесцветною стеною
Без начала и конца
Дышат бездною двойною
Стены скользкого дворца.
Темный мир, немой, слоистый,
Мир безмолвный и слепой
Предстает то бурей льдистой,
То пучиною игристой,
То бескрайнею толпой.
Клетки мелки, клетки слепы,
Их движения нелепы,
То белесы, то размыты,
Словно бесы и москиты.

Луч преломлен через грани,
Ткани стелются на ткани,
Вязкий сок бежит из ран
Перемешанных мембран.
Все творения природы
Предстают на суд богам;
Так и нам бежать сквозь годы
К неизвестным берегам;
Так и нам нести свои
Грузы слов и дум слои,
Дар ума, эмоций груды,
Искру гения в горсти
Через хрупкие сосуды
До скончания пути.
Мы застрянем в нашей нише
Под лучом, упавшим свыше.
Будем плавать в жидкой мгле
Под стеклом и на стекле.

(3 сентября 2000, Хантингтон)

АКТЁР

В. С.

Я сыграю дьявола и Бога,
Натяну орфееву струну,
В строки удалого монолога
Я себя, как в тогу, заверну.
Мне послушны будут звери дики,
Звезды ночи и события дня;
На меня привычно лягут блики
Старого и верного огня.
И в который раз настанет это:
Вспыхнет мозг, не помня ничего;
Завесь ослепительного света
Смоет стены зала моего.
Из волны, из серебристой пены,
Соберусь на дальнем берегу,
Окажусь в пространстве новой сцены,
На ее вертящемся кругу.

(15 сентября 2000, Хантингтон)

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Нас век безрадостный взрастил,
Нам ведомы его секреты:
И ледяные воды Леты,
И жар оплавленных светил.

Богаты звездными ладьями,
Ладони крашенные хной,
Мы держим путь за облаками,
Где тоже хаос, но иной.

А было время: в нашем доме
Стояла зимняя пора,
Мы расстилали на соломе
Листы витого серебра.

И местный доктор, хмурая брови,
Пускал из жил немного крови,
И осушал городской
С брусничной брагой кубок свой.

Там мыли бирюзу из речек
Да поставляли ко двору,
С гор возвратясь, седой разведчик
Рассказом тешил детвору.

И лет, наверно, десяти,
Я жадно слушал те рассказы,
Все про бериллы да алмазы,
Да грифов, бьющихся в сети,

Про полупсов надменно-чинных
Про табуны полуконей,
Про рой племен в иных долинах
И сонм летающих огней.

(30 октября 2000, Хантингтон)

ГРИБЫ

Мы называемся грибы:
Не господа и не рабы,
Но накопители итогов
И созидатели богов
Во тьме глаголов и предлогов,
Среди неясных берегов.
Таим набор галлюцинаций
И чувств химических улов,
Осколки фраз, осадки слов
Былых племен и новых наций.
Своею химией вскормив
Иные падежи и слоги,
Мы воплощаем древний миф
О том, как вас создали боги.
Мы — только оттиски явлений,
Мгновений ночи или дня,
Мы — новых род местоимений
И новой истины родня.

Весь мир охвачен в наши сети,
Их не сорвать, не обойти.
Когда-то в прошлом, на рассвете,
У мира было три пути.
Одна — от солнечного бога —
Прямая к истине дорога;
На том пути душа листа
И чужестранна, и чиста.
Там луч эфирный, эфемерный
И сочетания светил
Направят разум лучших сил
На рост невидимый, но верный.

Тропа вторая — путь земной,
Путь мышц и жил, путь хищной плоти,
И крыльев кожистых в полете,
И жабр под коркой ледяной;
Путь сердца, печени и глаз —
Тяжелый путь! Он выбрал вас.
Вам мысль близка, и боль ясна.

А мы, в глуби тысячелетий,
Из трех путей избрали третий:
Нам освещает путь луна.
Нам дела нет до тьмы и света,
Ни душ, ни тел не помним мы,
Взойдем на теплой почве лета,
Исчезнем пылью до зимы.

Но вовсе нам пропасть нельзя —
В нас смысл и средство всякой связи;
Так в жизни сбивчивом рассказе
Ведет нас лунная стезя.
Как красоты бывлой осколок,
Нас соберёт земной миколог;
Изучит потайные сны
Земли, и солнца, и луны.

(1–5 января 2001, Манчестер, Англия)

МАНУСКРИПТ

Предисловие

Сей манускрипт (написанный не мной,
Но содержащий много близких мнений),
Описывает полный Круг Земной
На нашем языке (до изменений).
Переплетён в обложку коленкора,
Написан явно до Большой Зимы,
Но обнаружен после и нескоро.
В нем речь о многом, что забыли мы.
Когда наш новый Лидер-Рулевой
Открыл источник силы нулевой,
Власть перепала в руки технократа,
Разверзлась бездна, брат пошел на брата,
Огонь сгорел, замёрзла вся вода,
Библиотеки сгнили без следа,
Кто был ничем, не бог весть чем и стал.
Наш вид утратил свой потенциал,
Но есть тепло, продукты и зарплата.

Мы в наши дни привыкли к дозе риска,
Не доверяя небу и земле.
Текст в коленкоре на моем столе
Уйдет в бороздки лазерного диска.
Пусть наши дни размеренны и сытны,
Но где-то в генах теплятся мечты.
Нам могут быть отчасти любопытны
Вре́мён ушедших странные черты.
Однако, я от общих рук и глаз
Для избранных укрою сей рассказ
О версиях миров и о судьбе утопий:
Пусть существует только в паре копий.

1.

«...в аморфном мире, меж существ немых,
за томом том снимая с нужной полки,
мы ищем правил и находим их,
как древних амфор острые осколки
среди овальной гальки берегов.
На них — картинки жития богов,
что были почитаемы не нами,
а прежними, иными племенами.
Что толку от законов прежних дней?
Нам имена богов уже не святы.
Дана Земля. И человек на ней
стареется опять заполнить даты,

названия возникших городов,
продукты бесконечных каталогов,
смесь в языках глаголов и предлогов
и цепь в снегу отысканных следов.
Так пролетают месяцы и годы:
нам некуда деваться от природы.

Нам объяснили про структуру сил.
Нам рассказали: те, кто был у власти,
разъясли мир действительный на части,
чтобы он стал иным, чем раньше был.
Действительность сомкнулась с тканью сна.
Мы стали первым среди поколений,
где власть над миром чувственных явлений
была на деле осуществлена.
Впервые в этом мире имена,
в кромешной тьме летая над водой,
слились в одно с объектом и средой.»

2.

«...не вдруг возникли эти перемены
(сперва еще не ясные пока).
Мы научились штопать наши гены
на западном краю материка.

Мы вывели волшебные цветы,
нашли источник жизни в океане,
прочли все клетки, органы и ткани,
узнали комплекс правил пустоты,
состав кометы и метеорита;
открыли тайный ритм зимы и лета,
и быстро обогнали скорость света.

С тех пор, как сущность времени открыта,
для нас физической преграды нет.
Спокойно на страницах каталога
отыскиваем демона и бога
для каждой из расчисленных планет.
В размеченных квадратах карты сна
обозначая землю или море,
мы напрочь отменили имена,
возникшие в естественном отборе;
случайности мы в мир закрыли двери,
и всем по их слепой воздалось вере. »

(февраль-март 2001, Хантингтон)

ВАГНЕР

«А времена всегда жестоки,
Не возбуждай на времена», —
Так говорил коварный Локи,
Творя наш мир из ткани сна.

На лбу у Тора вздулась вена,
Но хитрый Локи не солгал,
Наверно, время — это пена
На кружке пива из Валгалл.

Наш мир — собрание мертвых душ,
Недорастащенных на части.
Как безысходны наши страсти,
Как беловежска наша глушь.

Непрочен разум в этом мире
Под лип весенний аромат,
Под клёкот огненных валькирий,
Под сводом оперных громад.

(3 марта 2001, Хантингтон)

ЛИНГВИСТ

На дереве зеленый лист
Опишет будущий лингвист.
Она придет за мною следом,
Но мне язык её неведом.
Не англичан и не поляков —
Наречий многих новый звук,
И новые сплетенья знаков,
И странные движенья рук,
И всех поэтов забытьё
На исторических примерах
Прочтут сокурсники её
В её глазах, стальных и серых.
В том веке память языков,
Сплотившись, раздробится снова,
И самый смысл земного слова
Освободится от оков.
Мы им не нужны и не близки,
От нас едва остался след;
Зачем же — через триста лет —
Печален взгляд моей лингвистики?

Затем, что средства языка,
Которым мы не овладеем,
Могли бы дать её идеям
Всю свежесть юного листка —
Но настоящих листьев нет
Уже без малого сто лет.
Деревья, звери, континенты,
Реальность наших дел и фраз
Ушли в подвалы датабаз,
И только памяти моменты
Суши, тревожны и легки,
Как в книге мёртвые цветки.

(21 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

ТАЙНА

Тайну вечного секрета
Наконец узнали мы:
Там, где есть источник света,
Должен быть источник тьмы.

Скорлупой орехов грецких
Стены мира стали вмиг
За пределом наших детских,
На страницах взрослых книг.

Кто и тьмой, и светом правит?
Кто орехи дверью давит?
Без картинок наши дни:
Разговоры в них одни.

Наши знания случайны:
Как понять, где тьма, где свет?
Может, в мире нету тайны;
Может, в этом весь секрет?

(21 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

ПРИРОДА ВЕЩЕЙ

Вещей природа не ясна.
Когда для Римов или Греций
Её придумывал Лукреций —
Другие были времена.
В те годы жертвой или лестью
Могли мы уломать богов
И наслаждаться доброй вестью
У ионийских берегов.

Теперь же, как швейцарский сыр,
Пустотами заполнен мир.
От дюн пустынь слепых и белых
И до пределов черных дыр
На вещи напоззает тьма
Сквозь дождь на окнах запотелых.
На даче нашего ума
Настала новая зима.

Нужна ли нам вещей природа?
С ботинок мы счищаем грязь.
Что в памяти хранится? Связь
Меж электронов углерода?

Два-три курортных языка
Да полтора ненужных гранта?²
Но как нам быть с идеей кванта?²
Вещей природа нелегка.

Ясна поверхность, но она
Исчерчена, неинтересна.
Пусть скорость света нам известна —
Да скорость тьмы не учтена.
Весь в дырах, как мишень из тира,
В модели мир довольно прост.
Но что под шкурою у мира?²
Там нету ни полей, ни звезд.

Там неоконченные стены
Пейзажей, фресок, кирпичей,
Венера, вставшая из пены
И нервный взгляд ее очей.
Там звуки флейты и гобоя,
Там на обрыве, у прибоя
Толкуют Пушкин и Шекспир —
Что, если так устроен мир?²

А может быть, и по-другому.
Во все былые времена
Любовь к разрозненному тому
Была известна и нужна;

Нетерпелива и беспечна
Работа резвого пера.
Вещей природа — как вчера,
Так и назавтра — будет вечно.

Нам языки даны судьбою,
Как галька пенному прибою,
И наши дни, и наши сны
В ткань мира будут вплетены.
Есть время. В глубине столетий,
У новых рек, с двух раз на третий,
Находим нужные слова.
Вещей природа такова.

(22 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

К ОТЧЁТУ

Наш мир и вправду странен: он
Описан, но не объяснен.
Пусть вышел срок моей повестки,
Но я, конечно, был бы рад
В своём отчёте о поездке
Представить карту Эльдорад,
Где страны чуждые богаты,
Где реки золотом полны —
Но странны сна координаты:
В них цифры вовсе не даны.
Пусты компьютерные диски,
Как отражение в стекле;
Хранятся в запертом столе
Недопечатанные списки
В давно забытом кабинете...
Да, интересно жить на свете!

(24 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

КАВКАЗ

Нет в России иного рассказа,
Чем про бурные горы Кавказа,
Про нагайку да шашку да бурку,
Да как персу досталось да турку.
Ключ в замке до конца поверну
В языки разделяющей двери,
Отличающей Мери-княжну
От английского имени Мэри.
Новых букв набросать в языке
Не дошли у Мефодия руки,
В пограничной с Кавказом реке
Разбухают славянские звуки,
Да мелькают стеклянные грани
Мандельштамовской Эривани.
Оборотного «э» оборот,
Ермака подменяющий Эрик,
Непредвиденный водоворот,
Всероссийской истории Терек,

Где от викинга до казака —
Страх раба, брага пьяной отваги,
Да эрозии буйной овраги
Аж до шапки горы Машука.
За пределами этого мира
Вряд ли что-то достойное есть,
Значит, честь удалого мундира —
Это вся, что нам выпала, честь.
Блещут неба хрустальные своды
Да текут минеральные воды.
Так страдали для общего дела
И на фоне альпийских широт
И зверюшка несчастная Бэла,
И Лаевский, моральный урод.
И эпоха, наполнив роман,
Уходила зарядом картечи
В темноту, в племена мусульман,
Не имеющих письменной речи.

(24 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

1.
Страна Восточно-Северия;
Здесь неизвестна малярия.
Среди лесов, среди болот
Холодной клюквой сводит рот.
Отсюда, севши на забор,
Оценит лесоустроитель
Покрытый снегом водосбор,
Где Брейгелем воспетый житель
Ползет, живет, скользит по льду.
Рыбак трудится на пруду,
Пробив дыру. Здесь тишина;
Здесь скорость света не нужна.
2.
Язык восточно-северийский
Напоминает иберийский
(Исчезнувший). На нем мы чешем
Интеллекту интеллект,
Порою переводом тешим
На индо-евро-диалект.

Не искушен в делах ненужных,
Не отличает наш народ
Своих (вост.-северских) широт
От чуждых стран, закатно-южных.
Но резкость взгляда ни к чему
Тому, кто пялится во тьму.

3.

По кромке впадины бессточной
Поселок избами дымит.
Товарный северско-восточный
Раз в сутки мимо прогремит.
Напевы дев, стройны и слитны,
Из репродукторов звучат,
И все тарелки спутниковы
Оборотились на закат.
Народ внимает сериалам
Про жизнь закатно-южных стран,
Упершись взглядом запоздалым
В восточно-северский экран.

4.

В семье восточно-северянской,
Традиционной, хулиганской,
Держали моду и фасон;
Хвативши первача, со свистом
Сцеплялись с аккордеонистом,
Но старый мир ушёл, как сон.

Восточно-северские дети
Имеют сайты в Интернете;
Мутна забвения река,
По ней несутся брёвна, льдины;
Мы понимаем смысл картины,
Но наша роль невелика.

5.

Но грянет миг гиперборейский;
Народ восстанет северейский,
Своей восточною рукой
Сорвет последний рубероид
И врубит свой гиперолоид
По-над забвения рекой.
Остынут в голове слова;
Народ качал свои права,
Но пользовался ли правами?
И виновата ли среда?
Там, высоко над головами,
К утру намёрзнет корка льда.

(28 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

ТРАКТАТ

1.
Вблизи от Финского залива,
Там где ветра сдувают пену
С уже не нашей кружки пива;
Там, где дольют за ту же цену;
Где, времени не замечая,
За неотмытой чашкой чая
Обсудят сущность бытия —
Там некогда служил и я.
Там виден мир через стекло,
Там Детским Царское село,
А после снова Царским, стало.
Там номер нашего журнала
В кофейне на стеклянный столик
Положит хмурый алкоголик;
Там ветер свищет, дождик хлещет,
Вода реки о камень плещет...

Не то чтобы такая вера,
Но уж обычай наш такой:
Писать рифмованной строкой
И с соблюдением размера.
Мы увлекаемся порой
Такою детскою игрой,
И по линейке деревянной
Свой чертим путь, прямой и странный.
Букв алфавита так немного,
Что даже странно, как из них
Сложить возможно этот стих,
Название книги, имя Бога,
Полет шмеля и след кометы,
И все романы и приметы
На всевозможных языках
В различных странах и веках.
Там с саркастической усмешкой
Танцует ферзь вчерашней пешкой;
Там лист газеты брызжет ядом —
А я сижу на стуле рядом;
Читаю, кушая гранат,
Философический трактат
На тему «Нечто и ничто»,
И на пол падает пальто.

2.

...всё это так. Но в нашей власти
Явлений мир делить на части
И разговаривать о нем:
Ночь — ночью называть, день — днем,
Грязь — грязью, а лжеца — лжецом,
К нему оборотясь лицом.
Мы строим дом, как из камней,
Из слов: чем крепче, тем ясней.
Так и с материей: она
Вне объяснений не дана.
Вначале были слов истоки:
Из первых, древних языков
Мы вымывали наши строки,
Как из аллювия песков.
В пещере бытия сокрыты,
Росли слова, как сталагмиты
И сталактиты. С потолка
Сочилась память языка
И тихо падала на дно.
К чему жалеть, что мы не боги?
Нам вечной жизни не дано,
Но нам даны слова и слоги.

(28 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

ЕВРОПА РАЗУМА

Вот вам карта: вот ваша Европа —
Злые контуры детских Италий;
Препарат под стеклом микроскопа;
Медный отблеск балканских медалей.

Разрушается крепость эмоций,
Замок смысла ленивый и сонный,
Аргонавты без раций, без лоций
На поверхности моря бездонной.

Олимпийских хребтов позвоночник
Над молчаньем эгейским фантомным,
И гомеровских текстов подстрочник
Над покоем веков многотомным.

(30 мая 2001, Хоторнден, Шотландия)

ЭЙНШТЕЙН, 1919

— Теперь способны мы прочесть,
что тяготение не есть
простая сила, что вела
вдоль поля мула и вола —
но поле. — Что ж, нам жить без веры
не привыкать. — А есть примеры?
— А как же, барин. Двести лет
мы все лучом считали свет.
(Светить оно не перестанет,
но сила — сила вечно тянет
луч за собой, и эту нить
не суждено ослобонить).
Уже прошёл настолько близко
по центру царственного диска
Меркурий. Глохнет разговор;
на троне водрузился вор.

И век, и год уже двадцатый;
у пустотельх наших статуй,
формально нанося визит,
луч света чуть затормозит.

(10 июня 2001, Хоторнден, Шотландия)

БЕРЕГ

(*BAHIA DE LOS ANGELES,
BAJA CALIFORNIA, MEXICO*)

На грани неба и воды,
где на песке твои следы,
ты понимаешь, будут смыты
сегодня, но тебе не жаль
своих следов; где литораль
и воздух порождают влагу,
а солнце чуждо злу и благу;
где каждый миг вмещает день,
а каждый день вмещает час
тех жарких мест; где столько дней,
песка, и гальки, и камней,
и мыслей, и стихов для нас
прошло мгновенно — берег тот
изобрази на карте снова,
но отыщи такое слово,
где есть и разума полет,

и чувства зной, и сна печальность,
и моря соль, и дней начальность,
и отражение в воде,
не ограниченной нигде.

(10 июня 2001, Хоторнден, Шотландия)

ПИСЬМО ПОТОМКАМ

Разногенные потомки
На растерзанной земле,
Незлюбивы и негромки
В мокрой глине и золе!

Нет у вас ни слов обидных,
Ни страданий, ни страстей,
Ни картинок многовидных
По программе новостей.

Ни добычи, ни наживы,
Только каменные сны;
Что же! вы остались живы;
Это мы истреблены.

Ради вящего экстаза,
Чтобы жизнь была сладка,
Мы залили морем газа
Море нефти и песка.

На прибрежности каспийской,
На планете олимпийской,
В незапамятном году
Мы сожгли свою среду.

Вас мы дешево продали:
Вам сверкали ли потом
Апокалипсиса дали
В вашем небе золотом?

И грозила ли природа
Из небесной глубины
Вашим детям год от года
Отомстить за наши сны?

(12 июня 2001, Хоторнден, Шотландия)

ВТОРОЙ ЗАКОН

Нам помнится Долина Силикона,
Из ханаанских лучшая долин;
На ней для нас сошелся клином клин,
Свет высекая нового закона.

Еще придут и Август, и Тиберий,
Свободы знамя и имперский шлях,
И солнца термоядерный дейтерий,
И бури в магнетических полях.

Пока в Египте мы еще рабы,
Но наших слов и искра, и опора
Переживут и числа Пифагора,
И смысла перегонные кубы.

Так мы пройдем невидимой дорогой,
И не покроют мертвые пески
Термодинамик заповеди строгой,
Дейтерономий огненной строки.

(15–17 июля 2001, Хантингтон)

В МУЗЕЯХ БУДУЩЕГО

Соединяет времена и страны
Заросшая, невидная тропа.
Нам не произойти от обезьяны
Опять — она уже глупа.

Впечатав шаг толпы в цементе плаца,
Мы пробежим по огненной земле,
Но будем вечно отражаться
В слепом, небьющемся стекле.

В музеях будущего — видите ли вы
Наш судорожный вдох в часы прилива,
Да шапку царскую, напыленную криво,
Да дерзких рифм неспрятанные швы?

(28 июля 2001, Хантингтон)

БАЛЛАДА

Из новых времен, из старинных земель,
Где слиплись в комок бытия карамель
И смысла безглазая маска,
Прискачет прекрасная сказка.

Там главный герой с медициной знаком,
Там сахарным звезды сияют песком,
А снег — новогодней ватой,
Над каждой трубой застыл трубочист,
И выглядит мир словно титульный лист
С виньеткою замысловатой.

Там слышен там-там по дикарским лесам,
Полковнику снятся медали,
И алым дивятся своим парусам,
Где издавна их ожидали,
Там тучи ползут по альпийским снегам,
И все корабли пристают к берегам.

Там стражнику на ухо шепчет пароль
Из раннего Блока картонный король,
И кислого вкус витамина
Мешается с дымом камина,
И входят герои в свой пряничный дом,
Где жить полагается честным трудом.

Там жались игрушки к витринным огням,
И счет не велся неутраченным дням,
Там вздрогнули Гензель и Гретель
От скрипа несмазанных петель,
И я поднимал, словно меч-кладенец,
На палочке свой петушок-леденец.

(16 декабря 2001, Хантингтон)

ВРЕМЯ

Сними поверхность оболочек,
И все становится ясней:
Так плоскость состоит из точек,
А день — из света и теней,
Старинный миф — из снов и строчек,
А мир — из памяти и дней.

Слепив модель ограничений,
Про суть религий и учений
На ишаке своем верхом
Пророк толкует с пастухом.
Но дням ограниченья нету.
От времени, как ото сна,
Мы не проснемся. Времена,
Как непокорные стада,
Бегут назад. Быть может, в Лету;
Быть может, вовсе в никуда.

И даже если дни удачны,
Их изменения невзрачны.

Им не ведется должной сметы
Ни в речи, ни в мозгу у нас.
Мы видим только те предметы,
Что замечает праздный глаз.
В неровных сотах наших тканей
Слоится мгла, искрится тьма.
Исчезнет луч воспоминаний,
Иссякнет действие ума,
Уйдет меж пальцев день земной,
Как дождь в песок, как снег весной.

Но есть обычай, нам известный,
Где слова легкая душа
На кончике карандаша
Вскипает химией чудесной.
Пусть день и пасмурен, и краток,
Но слов отградный отпечаток
Окрасит вечности пласты.
Ложатся надписи на плиты.
Их цели будут позабыты,
Но буквы кажутся просты.
Иные, новые санскриты
Придут на острие пера.
Так продолжается игра.

(24–25 декабря 2001, Хантингтон)

НАЧАЛО

Над болотом лет настелим снова
Досок смысла временную гать.
Говорят, в начале было слово.
Что за слово — нам не угадать.

В языках каких оно звучало,
Книг каких украсило листы,
Утерявши признаки начала,
Обретя привычные черты?

Где-то, где в пустыне перестала
Разливаться древняя река,
Залежи мельчайшего кристалла
Пестуют начало языка.

Поезд жизни нас пронесет мимо
Той пустой, неведомой страны,
Где слова, горящие незримо,
В каменных слоях погребены.

(26 декабря 2001, Хантингтон)

ПАМЯТИ ОКУДЖАВЫ

Наша жизнь, как железнодорожный вокзал,
где гудят провода над путями,
словно кто-то круги на полях рисовал,
украшая вокруг вензелями.

Отражались в дверях, выражались в делах,
дорожа серебром выражений,
словно профиль твой кто-то чертил на полях
неслучившихся стран и сражений.

Там дрожал под ногами дощатый настил
через пропасть ненужного смысла,
словно ты на полях календарь начертил
и зачеркивал старые числа.

Тем и жив этот мир, несуразный на вид,
звучком песен великих и малых,
словно кто-то чертит на полях алфавит
из иных языков небывалых.

(17 февраля 2002, Хантингтон)

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Не помнят Падуя и Съена
своих питомцев — много лет
прошло с тех пор; по коду гена,
по ходу волн, где соль и пена,
как отыскать ушедший свет?

Чтоб время не пропало даром,
из глины снов и дней песка
дом возведи себе на старом,
еще не тронутым пожаром,
лесистом гребне языка.

Там тучи сдвинули стаканы,
там небожителей толпа
считает боевые раны,
и ночь недремлющей Тосканы,
как прежде, лунна и слепа.

(20 января — 22 февраля 2002, Хантингтон)

ЛЕТА

Серебряная Лета,
Забвения река!
С иного края света
Бежишь издалика.

Вбираешь пыльные томы,
И годы, и простор,
Державинские громы
И пушкинский задор.

Вода прозрачна летя,
Студен летейский хлад,
Двадцатого столетья
В тебе остынет ад.

Сквозь нас событий сила
Продергивает нить,
Чтоб все, что есть и было,
Запомнить и забыть.

Исчезнем без остатка,
Погрузимся в твои
Придонного осадка
Безмолвные слои.

И новых дней геолог,
Познав добро и зло,
Твоих слоев осколок
Уложит под стекло.

(24 февраля 2002, Хантингтон)

ПОСЛЕ РАСПАДА

Когда отпускают цепь,
Тогда наступает степь.
Времени рвется сеть,
И некуда песню спеть.
Идут, стучат поезда
Из некогда в никогда,
Словно не слышат весть
Радостную. Вольно ж
Миру быть на цепи!
Век бесталанн^{ый}, спи.
Нечего лезть под нож.

(16 апреля 2002, Репетек, Туркменистан)

РЕКА

Увы, возможно человеку
Войти в одну и ту же реку!
Немало на своем веку
Мы шлепали по их песку,
Искали брода, жемчуг, рыбу.
Представьте этот мир, как глыбу
Песчаника. Она пока
Не искрошилась до песка,
Но бьет волна о край утеса.
А мы не чувствуем износа.

(16 апреля 2002, Репетек, Туркменистан)

У ПЕРЕХОДА

Плещет времени река.
Ждут у перехода
Два убогих старика —
Правда и Свобода.
Не накрыт для Правды стол,
И Свобода бос и гол,
Грязны, нищи, сиры;
Не пускать же их, кума,
В наши кровные дома,
В теплые квартиры.
Шаловлива и слепа
Речка в половодье;
Загорожена тропа
Правде и Свободе.
Пусть юродивые ждут —
Им не так уж плохо;
Им, как несколько минут,
Что для нас — эпоха.

С Моисеевых времен,
С самого Исходу
Помнит писаный закон
Правду и Свободу;
Знаем в книге каждый стих,
Ждем Мессию, а не их.
За долиною далекой,
За высокою осокой,
Там, у перехода,
Пусть поищут брода.
Узловатою рукой
Да суковатою клюкой
Не нарушат наш покой
Правда и Свобода.

(18 апреля 2002, Репетек, Туркменистан)

БАДХЫЗ И РЕПЕТЕК

На пороге нового века
Запиши в листки дневника:
От Бадхыза до Репетека —
Море глины и тьма песка.
За закатною тенью длинной
Образ мысли давно знаком:
Что Бадхыз не покроет глиной,
Репетек занесет песком.
Здесь кончается наша виза —
Из-под плотно закрытых век
Все, что вспомнилось для Бадхыза,
Навсегда сотрет Репетек.

(18 апреля 2002, Репетек, Туркменистан)

Примечание: Бадхыз и Репетек — два заповедника в Туркменистане. Автор впервые посетил песчаную пустыню Репетека в 1972 г. и бывал там позже в 1980 и 1985 гг. Впервые посетил глинистое плато Бадхыза в 1975 г. и жил там в 1976–78 гг.

Поездка в Бадхыз и Репетек весной 2002 г. совершена на средства Национального Географического Общества (США).

ХОРЫ ДЛЯ СПЕКТАКЛЯ

1. Перевод

Хвалить свои успехи
не должно, не дано:
вольем в любые мехи
по выбору вино;
рукою я усталой
держу узду коня —
ты, переводчик шалый,
не торопи меня.

Твоя прозрачна участь
и роль невелика —
смысл передать, измучась,
с любого языка:
и поле после боя,
и нивы под дождем
с любого на любое
всегда переведем.

Течение перевода —
основа бытия,
тому твоя природа
свидетель и судья;
навроде коромысла
баланс тщедушных плеч,
но равновесье смысла
хранит слепая речь.

Что нам сиянье славы
и звон ее оков,
стремление державы
к смешенью языков —
единою судьбою
мы связаны с тобой —
переведем любое
с любого на любой.

(28–30 апреля 2002, Термез, Узбекистан)

2. История

Дела царей и королей,
как изолента или клей,
скрепляют годы и места,
без них история пуста.

Что толку в прошлое смотреть?³
Его на ужин не согреть,
и крышу им не подпереть,
и пот со лба не утереть.

А вот истории модель:
сошедший с гор весенний сель,
несущий слой земли и глин
питать оазисы долин —
основу будущих руин.

А вот истории мораль:
картинка свернута в спираль,
и поворот ее витка
займет несчетные века.

А что останется в витках —
так моют золото в лотках.

(2 мая 2002, Бабатаг, Узбекистан)

3. Новый век

Начинается новая эра:
Нам, возможно, удастся спасти
Этот мир, где утрачена вера,
Да и разум давно не в чести.

Выйдет боком нам наша беспечность,
Прекратятся шальные века,
И действительность, и бесконечность,
Да и вечность — пойдут с молотка.

Млечный Путь наш не прост и не близок,
Мы в пути продадим за гроши
И материи жалкий огрызок,
И засохший обмылок души.

Мы омоемся в мраморной пене,
Мы изменим законам любым,
И холодных столетий ступени
Уведут к небесам голубым.

(13 мая 2002, Ташкент)

КРИКВЯЖСКОЕ

Л. Лосеву

1.

Стоит подолгу в почве влага
у речки Малая Криквяга.
Там глину, суглинок и лёсс
вывозит поутру совхоз.

Бывала здесь номенклатура,
у речки отдыхал райком,
криквяжский князь ходил на тура,
да угр ловил угря тайком.

Теперь раздолбаны дороги,
непроходим криквяжский брод.
О долларе, а не о Боге
уныло думает народ.

2.

У речки Малая Криквяга
не знает мир ни зла, ни блага,
ни Магомета, ни Христа —
командируйся в те места!

Сложи в портфель расческу, бритву,
скажи ненужную молитву,
подшей оборванный погон —
да полезай в ночной вагон.

Путь до криквяжских мест недолог.
Передавали, археолог
увез в Москву культурный слой.
Вообще, народ у нас не злой.

(30 апреля 2002, Бабатаг, Узбекистан)

ПРИРОДА

Не то, что мните вы, природа.
(Тютчев)

Как дождь в горах, проходят годы,
И вещи видятся ясней:
Враждебность скрытая природы
Все резче проступает в ней.
Кто ей в глаза посмотрит прямо,
Поймет: нет, нам не друг она.
Снегов альпийских панорама,
И скользкий мир морского дна,
Лесов тропических стена,
Песок пустыни злой и белый —
Полны дремоты онемелой,
Полны следов немного сна.
Так взглядом, тянущим назад,
Тебя встречает зоосад,
Где аспид смотрит не мигая
Под знаком когтя и клыка,
И жизнь представлена другая,
Нам не нужна и далека.

Так вот куда нас тянут гены:
Назад, во тьму, к прошедшим дням,
Где вещи были неизменны,
И мир не подчинялся нам.

(2 мая 2002, Бабатаг, Узбекистан)

ВРЕМЯ И СЛОВО

Бьет ли молот, серп ли косит,
змей ли воет в глуби вод —
время на берег выносит,
что в себе не унесет.

Ритм и правду дня и ночи,
и реальности, и сна,
то длиннее, то короче,
помнит времени волна.

Там, где смысл из жизни вынут,
только водоросли стыннут
на поверхности песка —

но из глубины колодца
слово резвое несется
за пределы языка.

(5 июля 2002, Риверсайд, Калифорния)

ФОРМА ЖИЗНИ

Заключенные в хрупком теле
Среди гнили, корней и трав,
Мы не ведаем нашей цели,
Цель на целостность променяв.

Нас укутает пласт наносный
От безумного звезд огня,
В нашей жизни молниеносной
Равновесие сил храня.

Над границей воды с землею
Пусть шумят тростников стада —
Принадлежность к этому слою
На нарушится никогда.

Нас узнали и позабыли,
Нам названия больше нет —
Но взлетают частицы пыли
В атмосферу грядущих лет,

И ложатся на мыс отвесный
Там, где тает ночная мгла,
Там, где замок стоит чудесный
Из серебряного стекла.

(1 марта 2003, Хантингтон)

ЭЛИЗИУМ

Здесь тьма вещей и их названий,
Но мы не помним, что когда.
Исчезла суть воспоминаний,
Иссякли нужные слова,
И плещет темная вода
На голый камень естества.

Нет времени, и смысла нет.
Сквозь ваши мраморные плиты
Слова, слепые, как термиты,
Не донесут своих заданий
И не появятся на свет.

Там, на поверхности земной
Есть много слов иных, суровых,
И к битвам, и к снегам готовых —
Иди ж, ищи тот берег низкий,
Где смысл, тебе когда-то близкий,
Под звезды вынесло волной.

(20 марта 2003, Фредерик, Мэриленд)

ГЕККЕЛЬ

Скажи мне, доктор Геккель,
кому какой черед?

Есть жабры в человеке ль
во тьме утробных вод?

Какой чудесный метчик
нарежет нам резьбу,
чтоб новый человечек
благословил судьбу?

Твоих радиолярий
светящийся скелет —
как вагнеровых арий
тиара и стилет

в галактике планктона,
там, где размещена
на карте у Платона
утопшая страна.

Давно в морском песке мы,
в стекольничьей пыли
наследственные схемы
навечно обрели.

Глазниц незрячий трепет
слепа-часовщика —
чего еще он слепит
из глины и песка?

(23 июля 2003, Хантингтон)

Примечания автора: Геккель, Эрнст (Ernst Heinrich Haeckel) (1834—1919), знаменитый немецкий зоолог, дарвинист. «Слепой часовщик» (Blind Watchmaker) — метафора эволюции, введенная современным английским дарвинистом Ричардом Доукинсом (Richard Dawkins).

ФРАГМЕНТ ИЗ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ «ФАУСТА»

Вагнер.

Ну, живо, дух: открой мне тайну бытия.

Мефистофель.

Вся музыка твоя —

Еловый корпус, волос конский

Смычка, да струны из кишки звериной;

Да сентиментализм тевтонский —

Вот винегрет гармонии единой

В твоём жилище бореальном.

Перечисляя всех и вся,

О мире нематериальном

Чушь несусветную неся,

Мы времени с тобой не пожалели;

Ты, брат, ошибся: я не годен в Ариэли.

Ты человек: ты полон вздора и иллюзий,

Твой мир сплетен из фикций и конфузий.

Вагнер.

Дух, не играй со мной:

Ты ведь не плоскости земной

Принадлежишь? Ведь из другой
реальности сюда

Тебя я вызвал?

Мефистофель.

Вызвал; да.

Твой арсенал довольно крут,

И мы приходим, если нас зовут.

Но что касается астральных знаний,

Кармических воспоминаний,

Переселения достойных душ,

Сенсорно-визуальных коннотаций

Да чувственно-пигмалионских граций —

Все это чушь.

Вагнер.

Не ты ли та часть зла, что помогает благу?

Мефистофель.

Ох, любят люди изводить бумагу,

Верны недугу своему,

Сидят, корпят, выводят, что к чему,

Как с жвачкою в зубах,

У собственных цитат в рабах.

НАБОКОВ И ХОЛОДКОВСКИЙ

1.

Не то что б меж Днепром и Доном,
Но ближе к западу, к Днестру,
Стикс бурный слился с Ахероном,
А я увидел их сестру.
За много миль, за много лет
Немало о тебе пропето;
Прими же мой шальной куплет,
Ты, древнегреческая Лета!
Черты твоей долины строги,
Они с годами все ясней,
Но не найти к тебе дороги
Из нашей области теней.
На берегах твоих притоков
Раскинут вечности шатер;
В нем Холодковский и Набоков
Не прекращают разговор.

2.

Х.

Позвольте возразить, коллега:
Как на страницах букваря,
Альbedo сажи или снега
И проводимость янтаря
Вполне просты и измеримы.

Н.

Но не Измиры и не Римы.
Возможно, путь разумный, мирный
Счастливо изменит наш мир,
Но не изменится Измир:
Ему не стать обратно Смирной.

Х.

Но сущность лип и тополей,
Созвездий и цивилизаций
Зависит лишь от комбинаций
Частиц, молекул и полей,
От поведения протона
И от фибрилл веретена, —
Читай об этом у Платона.

Н.

Платон мне друг, но и стена
Между реальностью и тенью
Мне дорога. Моя дорога
Учила верить впечатленью,
А не разумности итога.
Я не заботился о том,
Что скажет Бедекера том
В своем издании десятом.

Х.

Однако, рассекая атом,
Узнали Гейзенберг и Бор,
Как из-за сосен видеть бор,
А в соснах — каждую мутовку,
И сосчитать ее, плутовку.

Н.

Но не пилитьщика, не совку,
Грызущих каверзы свои
В зеленом хаосе хвои!
Там смысла закоснелый полог
Поднимет грустный энтомолог;
Там в царстве, издавна прорытом
Из их Варшавы в их Париж,
И короедам, и термитам
Хватает перманентных ниш;

Там обыватель древоядный
В смолистых органах дриад
Сверлит и точит все подряд;
А я над строчкою тетрадной
Вдыхаю жизни аромат
Да слышу трубы Иерихона
Через окошко пансиона.

З.

Х.

О век идей, усердный мальи́й!
Твой мрачный стяг, от крови алы́й,
Еще потомки проклянут.
Дела и вправду были плохи:
Всего за несколько минут
Ты смысл похитил из эпохи.

Н.

Там, терпелив и осторожен,
Предупреждал Илья Пригожин,
Что мира ткань не так плотна,
И что в иные времена
Структура времени не вечна.
Но публика всегда беспечна.

Х.

На роль борца и либерала
Толпа меня не выбирала,
Но просветителя очки
Носил я доблестно и честно;
А что случилось, всем известно.

Н.

Как бы подземные толчки
В ненужном месте, в миг свирепый,
Создали образец нелепый,
И франкенштейновский урод
Возник в стекле полярных вод,
И далее дороги нет.

Х.

Взгляни на карту этих лет:
Там, не краю материка
Застыла времени река
В своем бессмысленном полёте.
К чему им Фауст или Гёте?
И жизнью я не назову
Тот мир без плотности и веса,
Где цель и мера их прогресса
Суть удержаться на плаву.

Н.

Но милые, бывшие тени
Навечно в памяти крепки.
Там вырубали мы ступени,
И статуи, и языки.
Своими были среди первых,
И память, запертая в нервах
И в радужке вокруг зрачка,
Не потеряет ни значка,
Ни буквы из нашей яви.
Но топок ил на переправе.

4.

Но есть порядок в строчках тесных,
В движении орбит небесных,
Внутри молекул незнакомых,
И в планах тела насекомых.
Шумит, горит пожар московский,
Судьба не назначает сроков,
Но переводит Холодковский
И напрягает взгляд Набоков.
Их вечность слышима и зрима,
Не сосчитать ее излучин.
История проходит мимо
Того, кто помнить не обучен.

От Корсики до Каролины
Еще не все мотивы спеты
На заливных лугах долины,
Над золотою поймой Леты.

(14–15 апреля 2001, Хантингтон)

ГЕНЕЗИС (поэма генов)

1.
Нас нет в единственном числе.
То ли со звезд, то ли из глины
Наш род сложился на Земле.
Когда очнулись ото сна,
Мы — были. Наша цель ясна,
И наши помыслы едины.
Нам сила вечная дана.
Одною мыслию гонимы —
Себя отнять от косной тьмы,
Мы самовоспроизводимы,
А это значит: живы мы.
Так начиналась наша быль.
Мы помним, что вначале было:
Вода, что замесила пыль,
Создав для нас подобье ила;

Земля — густой, тяжелый ил;
Огонь, что молнией был,
И воздух, полный чуждых лиц,
Лучей, космических частиц.
Тот век не жаловал природу,
Круша и камень, и кристалл;
Там звездный свет, упав на воду,
Восторг еще не вызывал.
Атомных, примитивных сил
Преобладала неизменность;
Живых существ и пыл, и брэнность
Тот мир еще не оценил.
Что жизнь? от нас, и лишь от нас
Она берет свою отвагу —
Ведем ее от шага к шагу,
Меняясь сами каждый час.
Мы все — одно, как волны в море,
Мы все — как звенья цепи той,
Что голоса в церковном хоре
Связует дивной простотой.
2.
Быть может, мы пришли со звезд,
Но на Земле наш путь не прост.

Мы без теорий, без утопий,
За циклом цикл, за годом год,
Себя в бесчисленных числах копий
Воссоздавали. Наш народ
Жил без понятия, в прилежных
Трудах, без мыслей, без забот,
Не потребляя кислород,
Таясь в щелях у скал прибрежных,
На дне болот, в пучине моря.
Так жили мы, не зная горя,
И не познав добро и зло.
Благословен, кто безмятежен.
Но к нам сознание пришло.
И жизни, что была привычна,
Мы изменили. Мир безбрежен,
Но месту в нем ведется счет.
Мы стали разными. Сперва
Как бы наборы общих нот
Существовали безразлично,
Но разным — разные слова
Запоминались. Слепо, вброд
Переходя через границы,
Мы изменялись. Наш исход
Уже не мог остановиться.

Своей судьбы мы не бежали
(Куда бежать?). Нет, мы в награду
Себе построили ограду
От холода, врагов и ран —
Систему стенок и мембран.
И заперлись в центральном зале.
И, как бы глядя на экран,
Жить в заточеньи продолжали
Лишь те, кто выжить смог из нас,
Распавшихся на сотни рас.
Еще не зная связной речи —
Не властелины, не рабы,
Но пленники своей судьбы
И мира нового предтечи.

3.

Что помнится из этой дали,
Навек ушедшее давно,
В нас навсегда отражено,
Не для мольбы, не для печали —
Нам их постигнуть не дано,
Они нас не приводят в трепет —
Но для порядка букв и нот
Забывтых драм уплывший лепет
Запечатлен в безмолвный код,
Как в бесконечные скрижали,
Как в книги древний переплет.

Хранить его — наш долг. Чего
Мы ждем и жаждем? Нам не странно
Быть и героями романа,
И текстом подлинным его.
Мы — канва, по которой годы
Нас вышивают каждый час.
Мы — суть и истина природы,
И жизни смысл гнездится в нас.
Но мы ответов не даем.

Солоноватый водоем,
Куда стеклись на пир народы,
Зеленой пленкою покрыт,
Дождь источают неба своды,
И равный с равным говорит
На языке своей свободы,
Не унижаясь и не споря:
«Не мы ли на своем веку
Немало повстречали горя —
Зачем меняться языку?
Зачем выдумывать ответы?
Объединимся! И запреты
Для нас исчезнут на пути,
Недостижимые предметы
Нам будут близки и легки,
И, сохраняя языки,

Мы сможем далее расти,
Где нам пути теперь закрыты,
Где только звезды да пески,
Да скал унылые граниты.»
Так были созданы тела.
И наша слава ожила,
И, в новом облике отлиты,
Мы в одночасье расцвели
В различных уголках Земли.
Идем, как дождь. Плываем, как дым.
Бежим, садимся и стоим.
Опять бежим, прибавив шаг.
Преодолев земную тягу,
Летим. Ложимся и ползем.
И погибаем, в чернозем
Сдавая временное тело,
Но прежде хитро и умело
Свой код другим передаем.
4.
Лети в веках, наш текст и книга!
Лети, как ранее летел,
В безумной страсти бранных тел
Запечатлей мгновенность мига.

Весь мир мелькнет в одно мгновенье,
Как про шумевший водопад,
Пока иные поколенья
И расцветут, и облетят.
Не знаем мы, что ждет в конце,
Но не изменим нашей цели:
В любой минуте, в каждом теле
Нести сокровище в ларце.
Мы предки, мы же и потомки,
Хранили б вечно крепость уз,
Когда бы редкие поломки
Не накопляли лишней груз.
И с этим грузом за спиною
Задача наша нелегка —
Не растерять бы остальное,
Чтоб сохранилось на века.
Мы знаем чувства каждой твари:
И жар огня, и рокот вод,
И крови вкус, и запах гари,
И времени негромкий ход.
Сквозь миллионы разных глаз
Глядит Вселенная на нас.
Жаргон судьбы нам был сперва
Неясен. Пробы и попытки
Сопротивления слова
Рождали. Разных текстов нитки

Связать в осмысленную ткань
Учились мы вслепую, с ходу,
Все время выходя за грань,
Меняя смысл от года к году,
Природе отдавая дань,
И вечность доверяя коду.
Все просто. В нашей жизни нет
Ни волшебства, ни черных магий,
Ни букв, доверенных бумаге,
Ни тайных знаков, ни примет,
Но мы способны силой слова
Менять себя, и снова нить
Сплетать, и расплетать, и снова
Слова заветные хранить.

5.

Так жили мы, как бы во сне,
В пространстве стойкого движенья
Свою поддерживая связь —
Как звезд далеких отраженья
Ложатся ночью на волне,
Перекрываясь и двоясь,
От солнц иных, безвестных, дальных —
Так наша мыслилась дорога:
И недвусмысленно, и строго,
Не поспешая, не боясь,
В сплетеньи волокон хрустальных

Привычно, прихотливо строя
Узор, мешая свет и тень,
Мешать как бы броском игральных
Костей, в знак силы и покоя,
Что нам покажет новый день.

Но мир менялся вместе с нами,
Быстрее нас во много крат.
Незримый атомов распад,
И солнца бешеное пламя,
И тектонические сдвиги,
И испарения болот
Уничтожали наши книги,
Стирая старый, верный код.
Не выйти было нам из круга.
Судьба нас не уберегла,
И наши смертные тела
Оборотились друг на друга,
И мир, разбившись, засверкал
Осколками кривых зеркал.

Былым бессмертием влекомы,
Мы уходили в наши дома,
В привычный мир библиотек.
На хрупкий и недолгий век
Мы променяли бесконечность.
Оставив прежнюю беспечность,

Мы стали скупы и жестоки.
Друг с другом мы вступили в бой
За наше право быть собой
И повторять свои истоки.
Так мы замкнулись в нашем склепе,
Не видя солнца и звезды,
В свои наследственные цепи
Вплета сознание вражды.

6.
Кто нас избавит из тюрьмы?
Кто нас вернет в былую эру,
Чтобы, по старому примеру,
Прилежно, строго жили мы —
Не повелители Вселенной,
А только стражи неизменной,
Могучей ткани естества?
Какие подобрать слова,
И для какого языка?
Как нам попасть в тот ритм единый,
Чтоб смысл не прекратился в нас,
Чтоб звездный свет наш не погас,
Задушен липкой, косной глиной?

Мы в хрупких нитей волокно
Вплетали древние законы —
Но вечной жизни не дано

Ни текстам древности, ни нам —
Так рушится прекрасный храм,
Подламываются колонны
И погребают под собою
Алтарь, священников и хор.
Но мы отобранны судьбою,
И наш не кончен разговор.
Мы ждали миллионы лет;
Мы ждем всегда. Несясь по кругу,
Мы свитки древних эстафет
Во тьме передаем друг другу,
Мы ждем, пока настанет миг,
Когда планеты этой житель —
Другой, неведомый воитель,
Узнает мудрость наших книг.
Мы ждем, пока строитель тот,
Намеренный или случайный,
Взломает старый переплет,
Раскроет наш заветный код,
И то, что было нашей тайной,
На новом языке прочтет.

*(2–6 февраля 1999, Хантингтон,
Западная Виргиния)*

ЭЛЕГИЯ № 2

Поэт, пиши, что в голову взлетит!
В полях Европ и на вершинах Азий
Не избегай беспочвенных фантазий;
Пускай открытие новых Атлантид
Окрепший голос твой предвосхитит.

Геоид наш, земным не ставший раем,
Напоминает хлопотному веку
Тот мяч, что Таня уронила в реку:
Мы хвалимся, что он непотопляем,
Но хорошо бы знать, во что играем.

Здесь Голливуда нет без хэппи-энда,
Без лайма не понятен джин-энд-тоник,
И шар земной немислим без тектоник,
От мягких тварей в мелководьях венда
До наших дум на холмах Мэриленда.

Пусть наши дни пустынно и жестоки —
На что-то разум должен быть пригоден.
Заменим нефть на солнечные соки!
И у богов огонь, как хитрый Локи,
Похитим так, чтобы не видел Один.

Жар нестерпим. Аврам ушел из Ура,
А мы опять вернулись в этот Ур.
Накрылась европейская культура.
Я для друзей пишу, для Тань и Юр,
Но плавится моя клавиатура,
И жар светил преследует меня
Меж Тигром ночи и Евфратом дня.

(19 июня 2003 г., Чикаго—Сакраменто)

УЭЛЛС

На мертвый мир свалившись с вышины,
Подпрыгивает шар из кейворита
И с хрустом давит жителей Луны:
Бледна их муравьиная элита!

Тобою тема вечная открыта
Межпланетной, мировой войны;
Ты описал и вставил в наши сны
И марсианина, и селенита.

Но, забредя в Россию издалёка,
Ты не увидел главного морлока:
Твой взгляд не различал их на Земле.

Вождь светится Лунарием во мгле,
И вспыхивают в ходе разговора
Глаза гиены. Бедный доктор Моро!

(22 ноября 2003 г., Вашингтон)

НАШ МИР

Что толку в нашей молодежи
С татуировкой на крестце?
Но им и мир достался тоже —
В сибирской язве и в свинце —
Из наших рук. Пуста квартира,
И нет у нас другого мира.

(23 ноября 2003 г., Вашингтон)

Виктор Фет

МНОГОЕ НЕЯСНО

Технический редактор *О.М. Вараксина*

Компьютерная верстка *Е.Ф. Шевчук*

ЛР № 020909 от 01.09.99. Подписано в печать 00.02.04.

Формат 70×90 1/32. Гарнитура Академическая.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. Уч.-изд. л.

Тираж 300 экз. Заказ № 328.

Издательство СО РАН

630090, Новосибирск, Морской просп., 2

Филиал «Гео»

630090, Новосибирск, просп. Коптюга, 3, т. (3832) 356430